Чурильё-игуменьё

У чудного креста у Благовещения
Тут служило Чурильё-игуменьё,
Сорок девиц со девицею,
Сорок стариц со старицею.
На правом-то крылосе Василий стоит,
А на левом-то крылосе Снафидушка стоит.
Да Василий-от поет: «Да ты подай, бог, божья́»,
Снафида-та поет: «Да еще я тебя не вижу,
Еще я тебя не вижу, жить ни быть не могу,
Я тебя увижу, сердце взрадуется».
Спроговорит Чурильё-игуменьё:
«Сорок девиц да со девицею,
Сорок стариц да со старицею!
Вы подите-тко, девицы, во чистоё полё,
Во чистоё полё да к серопегое змеи;
Попросите у змеи да зелья лютого,
Лютого зельица разлучного,
Разлучить нам сноха да нелюбимая».
Пошли девицы со девицею,
Пошли старицы со старицею во чистоё полё:
«Ой еси, змея да серопегая!
Дай нам зельица лютого,
Лютого зельица разлучного,
Разлучить нам сноха да нелюбимая».
Спроговорит змея еще лютая:
«Ой еси, девицы со девицею,
Сорок стариц со старицею!
Вы подите-тко, девицы, во чистоё полё,
Отливайте от огня да част ракитов куст,
Отнимайте от огня да малых деточек».
Отливали девицы част ракитов куст,
Отнимали от огня да малых деточек.
Дала им змея да серопегая
Лютого зельица разлучного,
Разлучить сноху да нелюбимую.

Дала им зельица лютого,
Лютого зельица разлучного.
Отдавают это зельице лютое
Чурилью-игуменью.
Наливает Чурильё-игуменьё,
Подавает Чурильё своей невестушке:
«Выпей-выкушай, Снафидушка Давыдьевна,
Нашего питья да монастырского,
Наше-то питье да на просыпочках легко,
С нашего питья да не заболит голова».
Спроговорит Снафидушка Давыдьевна:
«Уши-ти выше не живут головы,
Я больше Василья не живу никогда».
Подавает Чурильё своему сыну:
«Выпей-выкушай, Василий Романович,
С нашего питья не заболит голова,
Наше-то питье да на просыпочках легко».
Примает Василий единой ручкой,
Выпивает Романович единым душком.
У Василья голова с плеч покатилася,
У Василья белы руки опустилися,
У Романовича резвы ноги подломилися.
Тут-то Чурильё не ужахнулося,
Игуменьё не убоялося.
Наливает Чурильё-игуменьё
Подает Чурильё своей невестушке:
«Выпей-выкушай, невестушка любимая,
Нашего питья да монастырского,
Наше-то питье да на просыпочках легко,
С нашего питья да не заболит голова».
Примает Снафида единой ручкой,
Выпивает Давыдьевна едины́м душком.
У Снафиды голова с плеч покатилася,
У Давыдьевны белы руки опустилися,
У Снафиды резвы ноги подломилися.
Тут-то Чурильё ужахнулося,
Игуменьё убоялося.
Пошло Чурильё в келейку:
«Ой еси, Павел, в келейке!

Что я, Чурильё, сделала?
Что я, игуменьё, сгрезила?
Две души я погубила:
Одну душу безгрешную,
А другу душу понапрасну».
Спроговорит Павел в келейке:
«Стань-ко ты, Чурильё, на леву-ту ногу,
Погляди-тко ты, игуменьё, на праву-ту руку:
Что у тя на руки-то подписаное?»
— «Подписано на руки тут пресветлой рай,
Во раю сидит Василий Романович
Со своей со Снафидой Давыдьевной».
— «Стань-ко ты, игуменьё, на праву-ту ногу,
Посмотри-тко ты, Чурильё, на леву-ту руку,
Что у тя на руки-то подписаное?»
— «А подписано на руки кромешной ад,
Во аду сидит Чурильё-игуменьё,
Сорок девиц со девицею,
Сорок стариц со старицею».

(Зап. от М. Ф. Ошурковой из дер. Чаколы (р. Пинега), Архангельской губ., в 1900 г.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. 1, М., 1904.